

ществовали щедрость столь благородная, гостеприимство столь искреннее и бескорыстное, которые не показались бы мне исполненными чванства и самодурства и были бы свободными от налета упрека, если бы судьба заставила меня к ним обратиться. Если давать – удел властвующего и гордого, то принимать – удел подчиненного <...>

Итак, я хочу сказать, что если уж нужно быть всегда связанным каким-то долгом, то это должно иметь более твердые основания, нежели та зависимость, о которой я сейчас говорю и в которую меня ставят обстоятельства этой ужасной войны, а также, что мои обязательства не должны быть настолько тягостны, чтобы от них зависели моя жизнь и моя смерть: такая зависимость меня подавляет. Я тысячу раз ложился спать у себя дома с мыслью о том, что именно этой ночью меня схватят и убьют, и единственное, о чем я молил судьбу, так это о том, чтобы все произошло быстро и без мучений. И после своей вечерней молитвы я не раз восклицал:

*Impius haec tam culta novalia miles habebit!*⁹⁶

Ну, а где против этого средство? Здесь – место, где родился и я и большинство моих предков; они ему отдали и свою любовь и свое имя. Мы лепимся к тому, с чем мы свыклись, И в столь жалком положении, как наше, привычка – благословеннейший дар природы, притупляющий нашу чувствительность и помогающий нам претерпевать всевозможные бедствия. Гражданские войны хуже всяких других именно потому, что каждый из нас у себя дома должен быть постоянно настроже.

*Quam miserum porta vitam muroque tueri,
Vixque suae tutum viribus esse domus.*⁹⁷

Величайшее несчастье ощущать вечный гнет даже у себя дома, в лоне своей семьи. Местность, в которой я обитаю, – постоянная арена наших смут и волнений; тут они раньше всего разражаются и позже всего затихают, и настоящего мира тут никогда не видно.

*Turn quoque cum pax est, trepidant formidine belli,*⁹⁸

*quoties pacem fortuna lacessit
Hac iter est bellis. Melius, fortuna, dedisses
Orbe sub Eos sedem, gelidaque sub Arcto
Errantesque domos.*⁹⁹

Чтобы уйти от этих горестных размышлений, я впадаю порой в безразличие и малодушие; ведь и они некоторым образом прививают человеку решительность. Мне нередко случается, и притом не без известного удовольствия, представлять себе со всею наглядностью свою гибель и ждать своего смертного часа; опустив голову, в полном оцепенении, погружаюсь я в смерть, не рассматривая и не узнавая ее, словно в мрачную и немую пучину, которая тотчас смыкается надо мной и сковывает меня неодолимым, беспробудным, бесчувственным сном. И то, что последует, как я предвижу, за быстрой и насильственной смертью, утешает меня в большей мере, чем страшат обстоятельства, при которых она постигнет меня. Говорят, что если не всякая долгая жизнь – хорошая жизнь, то всякая быстрая смерть – хорошая смерть. Я не столько боюсь умереть, сколько свожу знакомство с тем, что предшествует смерти, – с умиранием. Я таюсь и съеживаюсь посреди этой грозы, – она должна меня ослепить и похитить стремительным и внезапным порывом, которого я даже не почувствую.

Если розы и фиалки, как утверждают некоторые садовники, произрастая поблизости от лука и чеснока, и вправду пахнут приятнее и сильнее, потому что те извлекают из земли и всасывают в себя все, что ни есть в ней зловонного, то почему бы и закоснелым в преступлениях людям моей округи также не всосать в себя всего яда из моего воздуха и моего неба и своим соседством со мной не сделать меня настолько чище и лучше, чтобы я не погиб окончательно и бесповоротно? В

⁹⁶ 1 И все эти столь тщательно возделанные пашни захватит какой-нибудь нечестивый воин! (лат.). – Вергилий.

⁹⁷ 2 Какая жалкая участь оберегать свою жизнь с помощью стен и ворот и не быть по-настоящему в безопасности, несмотря на прочность своего дома (лат.). – Овидий.

⁹⁸ 3 Даже когда царит мир, люди дрожат от страха перед войной (лат.). Лукан.

⁹⁹ 4 Всякий раз, когда судьба нарушает мир, здесь разражаются войны. О судьба, лучше бы ты назначила мне жить в стране Эос или в кочующем доме под студеной Медведицей (лат.). – Лукан. Эос – богиня зари.